

Александр ВАЛЬМАН НЕСУЩИЕ СВЕТ

16+

@ЭЛИТА

Александр Вальман

Несущие свет

Электронное издательство "Аэлита"

2019

Вальман А.

Несущие свет / А. Вальман — Электронное издательство
"Аэлита", 2019

ISBN 978-5-6040390-9-0

В небольшом по объёму, но очень ёмком по охватываемому периоду времени и действующим лицам нового романа Александра Вальмана «Несущие свет» в сатирической форме показаны условия работы обычного Вуза (института) в недавнем советском прошлом. Все конкретные эпизоды и описанные способы руководства высшим образованием, возникающие рабочие перипетия взяты из типичной реальной жизни учебных заведений высшей школы. Вторая половина XX века. Укрепление экономики страны Советов. Обычный периферийный экономический ВУЗ, руководят которым обычные люди со своими страхами и надеждами, живущие, казалось бы, обычной жизнью. Но как только они переступают порог института, то превращаются в интриганов, завистников, стукачей. Главная их цель – не руководство порученным институтом, а доказательство своей нужности, незаменимости, преданности «системе». Из года в год, из десятилетия в десятилетие обсуждая одну и ту же проблему, они забывают о своём главном назначении: нести свет знаний новому поколению. Роман рассчитан на городского жителя с высшим образованием.

ISBN 978-5-6040390-9-0

© Вальман А., 2019
© Электронное издательство
"Аэлита", 2019

Александр Вальман

Несущие свет (педагогические страдания с радостным исходом)

© ТА «@элита», 2019

* * *

1974 год, сентябрь.

Иван Иванович Потапов. 49 лет. Председатель парткома. Женат.

Иван Иванович не спеша поднимался по широкой лестнице главного административного корпуса института. Остановившись на площадке между вторым и третьим этажами, он взглянул в окно.

Чуть заметный моросящий дождик, начавшийся с утра, к середине дня усилился и превратился если не в тропический ливень, то во что-то близкое к этому. Дождь, падая с неба, сталкивался с крышами домов, превращался в бурные потоки, с которыми не справлялись водосточные трубы, и вода, переливаясь через желоба крыш, стекала по фасадам зданий. Сливаясь друг с другом, ручьи устремлялись к канализационным решёткам, которые также не могли поглотить всю ту воду, что обрушилась на город. Асфальт тротуаров и дорог исчез под грязными и мутными водами, обрушившимися на город. Редкие машины боязливо жались к обочинам, а то и вовсе останавливались посередине дороги. Пешеходов не было вовсе, и только смутно чернели за пеленой ливня деревья, высаженные городскими властями вдоль тротуаров.

Город заливало. Казалось ещё немного, и он исчезнет под кипящей водяной толщей.

Наблюдая весь этот катаклизм, Иван Иванович обречённо подумал, что совершенно не готов к такому буйству природы. Строгий двубортный костюм тёмно-синего цвета, белоснежная рубашка, галстук в тон пиджака, да модельные югославские туфли. Вот и все, что присутствовало на нём из одежды. И в кабинете у него ни плаща, ни резиновых сапог, даже зонтика не завалилось. Впрочем, имелась шляпа, очень модная польская шляпа, которую ему привезла жена этой весной из туристической поездки в Варшаву. Её он надел специально, выходя утром из дома, чтобы не намочить голову под едва заметным утренним дождиком.

«Шляпа, – горько подумал Иван Иванович, – мог бы сообразить: все крупные неприятности начинаются с малого. Как теперь до дому добираться?»

Судя по тому, что Иван Иванович увидел для себя проблему в ливне, шумящем за окнами, жизнь его была великолепно устроена и проходила без каких-либо серьёзных потрясений. Такой взрослый, обстоятельный и солидный мужчина, за которым есть, кому ухаживать и решать все бытовые проблемы. Подобие маменькиного сынка, лет сорока. Но это было поверхностным наблюдением. Человек, подумавший так об Иване Ивановиче, сильно ошибался и, как следствие, мог попасть при общении с ним в неловкое положение. Если не больше.

В жизни Иван Иванович был человеком решительным и жёстким, временами даже чересчур жёстким. Работа обязывает быть не просто жёстким, но и жестоким. Беспощадно, калёным железом... со всей этой шушерой: врагами партии и народа. Он часто жалел, что родился не в средние века при царящей и вездесущей святой инквизиции... Вот уж кто действительно не церемонился с врагами и по-настоящему, по взрослому калёным железом выжидали всю нечисть.

«Из меня бы получился очень даже неплохой инквизитор! Куда там Великому Инквизитору, в подмастерьях ходил бы, – частенько думал про себя Иван Иванович. Впрочем, тут же

одёргивал себя: – Инквизиция потому сдала свои позиции и спасовала, что не было у неё единственно правильного марксистско-ленинского учения. Мы же сегодня вооружены этим великим знанием и потому проиграть нашу святую борьбу за дело народа не можем!»

Иван Иванович принадлежал тому поколению, которое с лихвой хлебнуло тяготы послевоенной жизни. Хотя самому Иван Ивановичу здорово повезло: на фронт, он стремился, как и все его ровесники, с первых дней войны, но на передовой оказался только весной сорок пятого, после училища лейтенантом. Успел к штурму Берлина, но в город не попал: полк, в который его направили взводным, обходил столицу врага с юга, вторым эшелоном, когда пришло известие о штурме Рейхстага и Победе. Правда через три дня их корпус развернули в направлении Праги, где после стремительного марша ему и пришлось повоевать. Совсем не много – пару дней. Но и этого ему, необстрелянному мальчишке, хватило с лихвой.

Именно там он получил свой единственный боевой орден «Отечественной войны», да ещё из рук командующего армией. Тогда же его приняли в партию, заметили и выдвинули на должность батальонного комиссара. Хотя не столько заметили, сколько опять же повезло, если так можно выразиться: батальонный комиссар и его заместитель погибли в уличных боях, и назначать на освободившуюся должность было просто некого.

Двигаясь по партийной линии в армии, Иван Иванович служил при штабах, отвечая за морально-политическую подготовку солдат и младших офицеров. И вот тут он нашёл своё призвание! Разбираясь в личных делах и плотно сотрудничая с органами, он раскрыл несколько заговоров командного состава соединений, где проходила его служба. Руководство увидело в нём перспективного офицера грамотного и преданного. Иван Ивановича стали направлять в наиболее слабые в политическом смысле воинские части. А таких в конце сороковых было не так уж и мало. Офицеры, прошедшие с боями пол-Европы и видевшие своими глазами как люди жили в освобождаемых ими странах, стали задумываться о своей жизни. И роль политических работников резко возросла.

Его звёздный час наступил в шестидесятых. В шестьдесят первом был направлен для усиления идеологической линии в группу войск, стоявших в Берлине. Где на политзанятиях провёл неожиданную параллель между строящейся берлинской стеной и великой китайской стеной. Дескать, просвещённый социалистический лагерь, окружённый враждебно настроенным хищным капиталистическим миром, вынужден возводить стену разделившую город на две части, чтобы защитить форпост социализма. Так же как китайский народ защищался от орд кочевников, с севера совершавших набеги на земли мирных китайцев. И хотя Китай уже как несколько лет не был братским народом, и советская доктрина относилась к правящий режим этой страны к враждебному, инициатива Иван Ивановича была замечена и одобрена руководством. Подающего надежды офицера направили в Военно-политическую академию, которую он окончил с отличием в шестьдесят шестом. Там же, в Москве он женился. Причём не на дочке, какого-нибудь своего начальника или генерала, а на обычной девушке. К тому же сироте.

В шестьдесят восьмом ему вновь довелось побывать в Праге. Как и в сорок пятом, он въехал в город на танке. Правда, потеря среди личного состава было гораздо меньше, но морально было намного тяжелее. Работы с чешскими товарищами навалилось по горло, и Иван Иванович не спал сутками. Как и в конце войны, победа пришла быстро. Иван Иванович по праву гордился пражскими событиями августа шестьдесят восьмого, не без оснований полагая, что в этой победе есть и его заслуга.

Служба Иван Ивановича проходила без каких-либо заметных нареканий, и быть ему генералом. Но за светлой полосой пришла чёрная. В семьдесят первом, Иван Иванович был направлен на учения в забайкальский военный округ, проверяющим. В первый же день учений, когда Иван Иванович инспектировал артиллерийский полк, проверяя выучку бойцов на стрельбах. И мог же он, новоиспечённый полковник, сидеть в штабе листать бумаги, как это делают большинство проверяющих! Но нет, решил лично присутствовать.

Тут его и подстерегла судьба. Солдат первогодок что-то напутал с запирающим механизмом гаубицы, да и взводный отвлекся, отвечая на вопросы проверяющих. Когда стреляющий потянул спусковой шнур, курок сухо щёлкнул: осечка. И тут, как будто по команде рядовой подошёл к казённику гаубицы и открыл затвор. Взрыв произошёл в пятнадцати метрах от Ивана Ивановича. Погиб весь расчёт орудия, командир батареи и офицер из свиты Иван Ивановича. Сам Иван Иванович был серьёзно контужен, моментально отправлен в госпиталь и вроде бы всё обошлось.

Но через месяц начались сильнейшие головные боли. Хотя сказать «сильнейшие» – ничего не сказать. Голова болела так, что Иван Иванович терял сознание или его рвало. И, конечно, его комиссовали. С почестями проводили и даже наградили орденом «Боевого красного знамени». А через пару месяцев подыскали неплохое место в одном крупном вузе, правда, периферийном. Так Иван Иванович, кавалер двух боевых орденов в сорок шесть лет в звании полковника в отставке оказался председателем парткома высшего учебного заведения.

Иван Иванович оторвался от окна, за которым бушевала стихия, и продолжил своё движение на третий этаж. Прозвенел звонок и коридор наполнился шумом: студенты высыпали в коридор, меняясь аудиториями. Смех, крики заполнили всё пространство вокруг Ивана Ивановича. Нельзя сказать, что вся эта беготня по коридорам и лестницам сильно раздражала Ивана Ивановича, но все же он предпочёл, что бы студенты ходили бы в ногу и строем. Или на крайний случай, хотя бы не разбредались по всему коридору, а чётко и целенаправленно передвигались в назначенную распорядком аудиторию.

«Всё-таки штатские нас погубят, – невесело думал Иван Иванович, пробираясь сквозь хаотично перемещающихся по коридору студентов к той части здания, где располагались кабинеты ректора и его замов. – Плохо, очень плохо, что высшее образование даёт возможность не служить. Насколько было бы больше пользы, когда все вузы страны имели бы ярко выраженную армейскую направленность».

Возле ректората студентов почти не было и только работники администрации с хмурыми и деловыми лицами сновали по коридору. Совещание, на котором Иван Ивановичу предстояло председательствовать, должно было состояться в специально отведённом для таких совещаний кабинете. Завернув за угол коридора, он увидел дверь кабинета для совещаний распахнутой, а возле неё курящего в кулак Симона Авдоновича, одного из деканов института.

«А наш Симон, как всегда на стрёме. Бдит за руководством, – усмехнулся Иван Иванович. За те два с небольшим года, что он работал в институте, Иван Иванович присутствовал на сотне, если не больше различных заседаниях, и всегда Симон Авдонович появлялся на этих совещаниях, если конечно был приглашён, за спиной ректора. – Настоящий еврей! Но только на этот раз, ты дал промашку, раз не знаешь, что ректора не будет».

– Здравствуйте, Иван Иванович! – подобострастно склонил свою кучерявую седую голову Симон Авдонович. – Вот ведь льёт сегодня.

– Приветствую вас, Симон Авдонович! – расплылся в улыбке Иван Иванович. – Что вы тут стоите? Проходите, я следом.

– Что вы, Иван Иванович, как можно, только после Вас! – ещё ниже наклонился Симон Авдонович. – Так сказать вслед за руководящей нами партией.

– Давайте без церемоний! Товарищ Арм, проходите, – с напускной строгостью произнёс Иван Иванович.

Но Симон Авдонович не понял сарказма Ивана Ивановича.

– Да какие церемонии, – ответил тихо Симон Авдонович, – вот только докурю и за вами.

«Вот ведь, жид подобострастный, только на колени не встал, – с ненавистью подумал Иван Иванович, входя в дверь. – А ведь воевал».

Он прошёл через весь кабинет к противоположной стене, возле которой стоял стол, застеленный красной скатертью, а на ней графин с водой. Отодвинул стул и уселся на место пред-

седателя. Пока Иван Иванович шёл к своему месту, с ним произошла удивительная метаморфоза. Из добродушного, доверчивого и весёлого человека с широко раскрытыми, глазами, с лёгким едва заметным прищуром, восторженно смотрящего на мир и на людей, с блуждающей и снисходительной улыбкой на лице, весело и уверенно шагающего по жизни человека, он превратился в сурового железобетонного дядю. Лицо его стало тревожным и озабоченным. Взгляд, который был направлен на окружающих людей, устремился сквозь них «в никуда». Брови нахмурились и нависли одной сплошной сломанной посередине линией над глазами. В довершок к этому на переносице появились небольшие вертикальные складки – как отпечаток грустных мыслей о чём-то тяжёлом и невесёлом. Лицо вытянулось, щёки впали, даже нос заострился. Общий вид Ивана Ивановича говорил о том, что он сейчас проводит тяжёлую и изнурительную работу, отдавая ей всего себя и даже больше.

Иван Иванович сурово обвёл кабинет своими сузившимися глазами, отметив про себя, что все присутствующие подобострастно и выжидательно смотрят на него. И только Симон Авдонович всё ещё копошился в дверях со своей папиросой.

– Что вы там, копаетесь, товарищ Арм? – строго произнёс Иван Иванович. – Определяйтесь быстрее: вы там или тут с нами?

– Конечно, я с вами, товарищи! – громко и чётко сказал Симон Авдонович.

Он окончательно вошёл в кабинет и затворил за собой массивную дверь, на которой висела табличка: «Тихо! Совещание при ректоре».

– Так что? Можно открыть заседание парткома? Виноват, прошу извинить – совещание при ректоре. Хотя его нет. Он не вернулся из командировки в северный филиал и просил все вопросы обсудить без него. А потом у него ещё и отпуск, – по-военному чётко сказал Иван Иванович.

Он внимательно оглядел присутствующих – не зубоскалит ли кто? Почти все совещания при ректоре проходили без самого ректора. И это часто вызывало всевозможные толкования и сомнения в необходимости таких совещаний. Многие в администрации института высказывались о ненужности и даже никчемности совещаний. Но Иван Иванович со свойственной ему военной смекалкой выявил тех, от кого шла эта зараза. И хотя добиться увольнения всех оппортунистов ему не удалось, но вот главного насмешника он сумел выгнать на улицу с «вольным билетом» полгода назад.

– Посмотрим, что сегодня у нас на повестке дня? – Иван Иванович вздохнул: ему очень тяжело давалась вся эта научная терминология, хотя он уже около двух лет «вариться» в научной среде. – Да, вот мы должны выработать рекомендации для нашего учёного совета по мерам повышения эффективности преподавательской и научной работы в деканатах и выдать рекомендации кафедрам! Если сказать проще – требуются открытия и новые формы преподавания научных дисциплин, чем больше – тем лучше! Главная наша проблема – как поднять качество лекций и занятий на кафедрах.

Проговорив всё это, Иван Иванович достал из кармана пиджака платок и вытер лоб, переводя дыхание. Хоть он и разложил на столе перед собой принесённую папку с текстом, заглядывать в неё не пришлось. Всё-таки не зря он тренировался вчера вечером и сегодня утром – учил текст выступления так сказать на «свежую голову». Тон, взятый им, получился весомым и суровым. Почти, как у генералов на заседаниях в Генеральном штабе, которых он не раз слушал, затаив дыхание.

– Вопрос очень важный, – некстати, влез, этот еврей Арм своим удручённым полным вселенской скорби голосом, – мы обсуждаем это в третий раз на таком совещании, но пока, ни чего путного не сумели добиться.

«Вот, гадёныш! – подумал Иван Иванович. – Это же он открыто намекает, что мы тут «воду в ступе толчём», а не дело делаем. Хорошо бы с ним поговорить по душам да через прорезь прицела». Но вслух сказал:

– К сожалению, вы правы. Но может быть, у вас есть конкретные предложения?

Симон Авдонович поперхнулся, сжавшись в размерах, он неуловимым движением спрятался за спину сидевшего перед ним Александра Игоревича, заведующего кафедрой «Аналитическое развитие плановой экономики».

«Сей час, я тебя добью, паскудник», – злорадно подумал Иван Иванович. Он лихорадочно соображал, что бы такое позаковыристее спросить у этого выскочки, но в голове крутилось только, идиотское: «через прорезь прицела».

Тут поднял руку Генрих Джакобович, заведующей кафедрой «Цикличность Госплана», и Иван Иванович благосклонно и с облегчением кивнул ему.

– На одном из совещаний, помню, было, предложение, обязать всех преподавателей кафедр работать по плану на каждый рабочий день, – начал, прокашлявшись и вставая, со стула Генрих Джакобович. – Помимо лекций, конечно! Причём, такой план должен быть составлен в конце предыдущего рабочего дня и утверждён заведующим кафедрой и деканом на завтра. И обязательно ежедневно проверять его выполнение. Опробовать это мы поручили кафедре Игната Сахаповича ещё месяц назад. Каковы результаты? Есть, с чем поздравить Игната Сахаповича?

И хотя вопрос прозвучал в адрес Игната Сахаповича, заведующего кафедрой «Экономического права», Генрих Джакобович смотрел только в глаза Иван Ивановича.

«Вот из кого получился бы дельный офицер из всей этой академической шушеры, так это из Генриха Джакобовича, – подумал Иван Иванович. – Обратил на себя внимание, дождавшись разрешения, встал. Сказал коротко, по делу, не отвлекаясь. И смотрит прямо и только на начальника. Правда стоит чёрте как. Впрочем, не удивительно – армейской выправки-то никакой».

Настроение Ивана Ивановича заметно улучшилось. Тем более что Симон Авдонович был совершенно не заметен за широкой спиной Александра Игоревича.

– Да – да, припоминаю, – добродушно молвил Иван Иванович. Он рукой показал, Генриху Джакобовичу, что тот может сесть, и, повернувшись к сидевшему слева от него во втором ряду Игнату Сахаповичу, продолжал: – А это нам сейчас сообщит сам товарищ Гуревич. Прошу!

В отличие от Генриха Джакобовича, Игнат Сахапович не стал подниматься со стула, на котором он вальяжно развалился, закинув нога на ногу, и внимательно изучая ногти на своей правой руке. Был он в светло-сером замшевом костюме и каких-то невообразимых для Ивана Ивановича мокалинах. На шее поверх рубашки вместо галстука (как у всех порядочных людей) был повязан платок. Этот платок очень сильно раздражал Ивана Ивановича – не представлял он себе, как мужчина может носить такую чисто женскую деталь туалета.

Игнат Сахапович выдержал огромную паузу, дождавшись, чтобы все присутствующие обратили внимание на него. После чего скроил на своём холёном лице крайне недовольную мину.

– Результаты хреновые! – наконец-то начал говорить Игнат Сахапович кислым тоном. – Ой, извиняюсь, не заметил, что здесь Арина Афанасьевна. Думал – одни мужики сидят. Хотел сказать, что обстановка с эффективностью преподавательской работы остаётся неудовлетворительной.

Пока он говорил, настроение Ивана Ивановича опять испортилось, да так сильно, что он едва сдерживал возмущение.

«Вот ведь падла какая! Один раз удачно «всунул» – и на тебе полный мармелад! Жена красавица с папой из горкома. Упакован, дай бог! Не каждый ректор так одевается... – зло думал Иван Иванович, пока Гуревич неспешно говорил. – Дали же тебе задание, нет же, всё завалил! А сейчас будет нести какую-нибудь «лабуду». И почему говорят, что бабы умных

любят? Всё наоборот. Здоровых они любят и чтоб ума поменьше, а в койке побольше! Интересно, дома перед женой и тестем он такой же вальяжный?»

– Ничего, не в первый раз, – услышал закипавший Иван Иванович добродушный голос Арины Афанасьевны, – можно и сильнее выразиться. Была бы польза.

– Польза могла бы быть, если бы мы имели право отмечать высокие результаты повышением зарплаты, причём делать это сразу. И одновременно уменьшать тем, кто не выдал новую идею или оригинальные результаты экспериментов за прошлый месяц, – продолжил Игнат Сахапович, слегка кивнув в сторону Арины Афанасьевны. – Сотрудники кафедр, как и сотрудники деканатов в большинстве с этим согласны. Правда, не все.

«Ого! Что несёт этот... товарищ Гуревич! Уж не тесть ли ему это подсказал! – пронеслось в голове Ивана Ивановича. Он взялся за карандаш, пытаясь конспектировать, по возможности дословно всё то, что говорил Игнат Сахапович. Не успевая за словами говорящего, Иван Иванович остро почувствовал необходимость вести магнитофонную запись всего совещания. И желательно тайно. – Надо будет поставить этот вопрос перед первым отделом».

– Но зато мы сможем для этого обходиться наличным фондом зарплаты своей кафедры. Если сказать проще, то это надо ежемесячно отбирать часть зарплаты у тех, кто ничего нового за прошлый месяц не придумал, и отдавать тем, кто за этот же месяц внёс в преподавание новое, – между тем продолжал говорить, всё тем же равнодушным и спокойным голосом, покусывая на основы государственного строя, Игнат Сахапович. – Если же никто ничего в преподавание за этот месяц не внёс, то на этой кафедре будет накапливаться фонд средств из отобранных денег, а это сразу повысит цену новым открытиям и новым формам.

«И говорит-то так, как будто дело решённое! – наливаясь злостью, думал Иван Иванович. Он бросил записывать за выступавшим – всё равно ни черта не успевал. И теперь лихорадочно соображал, как ему реагировать на всю эту крамолу. – Контра! Не мог ты сам до этого додуматься! Кто же тебе всё это напел?»

– И никаких дополнительных денег не надо просить у ректората! Просто перераспределение зарплаты, – закончил говорить Игнат Сахапович.

«Ты же, дорогой мой заведующий кафедрой «Экономического права», дубина полная! Кто же тебя, товарищ Гуревич, всему этому научил? – думал Иван Иванович, глядя на свои каракули, которыми он пытался записать все, что сказал тут Игнат Сахапович».

В памяти вдруг всплыла история с назначением Игната Сахаповича на должность зав. кафедрой. Тогда в апреле семьдесят второго ректор вызвал его Ивана Ивановича и начальника первого отдела товарища Петрова. Так же в кабинете присутствовала и Арина Афанасьевна. Ректор долго, как он это любил, распространялся о значении экономической науки в мире и, особенно в странах победившей демократии. А потом перешёл к насущным проблемам.

– Партия и правительство непрерывно и неукоснительно заботятся о росте благосостояния советского народа, – сказал ректор твёрдым убедительным голосом. – А какое благосостояние, вернее рост этого самого благосостояния может быть без образования и, как следствие, понимания происходящих процессов в нашем здоровом обществе?

Иван Иванович тогда только появился в институте и ничего не понял из речи ректора, но с военной смекалкой сообразил, что переспрашивать и уточнять не надо. Он украдкой посмотрел на присутствующих. Товарищ Петров согласно кивал в такт словам ректора и что-то пометал в блокноте. Арина Афанасьевна, как первоклассница сидела по струнке, сложив руки на коленях и открыв рот, благоговейно смотрела на ректора, стараясь не пропустить ни единого слова.

– Так вот, друзья мои! – радостно улыбнулся ректор, обводя присутствующих лучезарными глазками. – Решая, и не без успеха эти глобальные проблемы, партия не забыла и о нас! В нашем институте будет открыта ещё одна кафедра! И эта кафедра будет называться «Экономика права».

– Как это правильно, – тихо выдохнула Арина Афанасьевна. – Как своевременно! Вот он настоящий ответ империалистическому окружению.

– Да! Тут вы правы. – Ректор доброжелательно и покровительственно посмотрел на учёного секретаря института. – Не мне вам рассказывать какую тесную связь экономика имеет с правом.

«Интересно: в этой связи кто кого имеет?» – вдруг возник вопрос в голове Иван Ивановича. Но он тут, же его отмёл, понимая, что такими вопросами выложена дорога на Колыму.

– Конечно, не нужно забывать и про идеологию! Тем более что и в экономике, и в праве она имеет первостатейное значение! – продолжал между тем ректор. – В связи с этим там, – он указал пальцем в потолок, и Арина Афанасьевна, да и товарищ Петров послушно вздёрнули головы, уставившись в точку на потолке на которую указывал палец ректора, – принято решение: возглавит новую кафедру профессор Алексеев Сергей Сергеевич. Наш выдающийся учёный, который до сих пор был почему-то обделён руководящими постами.

– Наконец-то! – выдохнула Арина Афанасьевна.

– Вот и наш учёный секретарь его хорошо знает, – сказал ректор, опуская руку.

– Он был научным руководителем моей диссертационной работы, – потупила глазки Арина Афанасьевна.

– Знаем, слышаны, – буркнул товарищ Петров, не отрываясь от блокнота.

При этих словах вроде бы железная и непробиваемая Арина Афанасьевна, как её успел узнать Иван Иванович, густо покраснела.

Каково же было изумление Ивана Ивановича, когда всего день спустя в институте был вывешен приказ о назначении заведующим кафедрой «Экономика и право» Игната Сахаповича Гуревича, который был всего-то кандидатом наук. И уж никак не мог что-либо противопоставить лауреату Ленинской премии доктору наук и профессору Алексееву.

Иван Иванович затребовал в отделе кадров личное дело кандидата экономических наук товарища Гуревича и узнал, что тестем Игната Сахаповича был второй секретарь горкома партии. Тогда же у него состоялся разговор с начальником первого отдела товарищем Петровым, который многое прояснил для Ивана Ивановича.

– Дурак он, конечно, полный, – сказал тогда товарищ Петров, – но женат, увы, правильно! И раз уж вас партия поставила на столь важный пост в нашем институте, вы обязаны оказать ему всестороннюю поддержку.

Иван Иванович вздохнул и помотал головой отгоняя мысли о прошлом и возвращаясь в настоящее. А на совещании, между тем начиналась полемика.

– Понятно! И, таким образом, создать свой кафедральный премиальный фонд? – с воодушевлением говорила Арина Афанасьевна. – Это удачная идея! Только подумайте – даже если весь квартал кафедра и, тем более, деканат не выдаст ничего достойного то, как вырастет этот фонд! Можно даже и капитальный ремонт на эти деньги сделать на кафедре! И без затрат от дирекции!

«Что происходит? – думал Иван Иванович, в пол-уха слушая горячую речь Арины Афанасьевны. – Или я чего-то не знаю или что-то упустил? Ладно, этот Гуревич, дурак. Да и тесть его... если, что заступиться, отмажет... но, шлюшка эта: мадам Лебедева куда прёт? Что-то она знает, раз такую ересь высказывает. Да с таким пылом».

Иван Иванович оторвался от лежащего перед ним листка бумаги с его вступительной речью, и который был теперь густо разрисован им вопросительными знаками и посмотрел на Арину Афанасьевну. Та опиралась одной рукой на спинку впереди стоящего стула и для убедительности жестикულიровала в воздухе второй рукой. Лицо её порозовело, причёска слегка растрепалась, и вся Арина Афанасьевна находилось в состоянии довольно сильного возбуждения. Что было совершенно не свойственно для неё, да и недопустимо на подобных совещаниях.

«Просто свобода на баррикадах, – усмехнулся с каменным лицом Иван Иванович. – Или она пьяна? Ведь ещё совсем недавно за такую возбудимость её бы вывели под белы ручки и расстреляли прямо во дворе! И нас всех туда же... слушателей. Должна она помнить и знать то боевое время. Сколько ей? Лет тридцать – тридцать пять, – он не мог вспомнить. Хотя, конечно же, дело её читал, – нет, должно быть больше. На такую должность тридцатилетнюю девчонку не поставят... хотя передком своим она работать умеет! Наслышаны. Нет, всё равно: юность ей «вождь и учитель» опалил и просто так она не вылезет. Значит, знает, что говорит. Кто ж тебе такую провокацию заказал?»

Иван Иванович оторвал взгляд от распалившейся Арины Афанасьевны и увидел бледное перекошенное лицо декана экономического факультета. Симон Авдонович Арм испугано выглядывал из-за спины своего подчинённого заведующего кафедрой «Аналитическое развитие плановой экономики» Александра Игоревича Родимцева. Общая атмосфера в кабинете сгушалась. Кто-то, кто именно Иван Иванович не понял, тихо ахнул. Сидящий, через два стула от Арины Афанасьевны, Еремей Фадеевич незаметно привстал и, как можно незаметнее, на полусогнутых, пересел ещё на два стула правее от выступавшего научного секретаря института.

Иван Иванович растеряно обводил глазами комнату, и в голове его стучало: «Чёртова баба! Устроила тут, на совершенно рядовом совещании такую провокацию. Кто, а главное, зачем ей разрешил? И как мне теперь на всё это реагировать?!» Иван Иванович наткнулся взглядом на сидящего у окна и как бы в стороне от всего происходящего товарища Петрова. Тот с отсутствующим видом смотрел в окно. Прозрение молнией ударило Ивана Ивановича.

«Ах, ты... – задохнулся он, но вида не подал, – глиста навозная! Жаба тыловая! Пока я на танках Прагу утюжил, ты в тылу... Ладно, посмотрим, кто кому вставит!»

– И конечно, это дополнит контроль выполнения личного ежедневного плана научной работы! – громко сказал Иван Иванович. И сам поразился сказанному, как точно и буквально одной фразой он поддержал Арину Афанасьевну и вернул её в прежнее русло совещания. – Всё-таки контроль, особенно партийный контроль, необходим на всех стадиях движения. Особенно при ускорении!

– Конечно! – поддержал его Игнат Сахапович. Видимо он всё-таки понял, что перегнул палку личной инициативы и ему могут врезать оргвыводами промеж глаз. – И сумеем материально поощрить педагогическое и научное творчество! А составление планов на каждый день – это... именно в этом и есть партийный и производственный контроль!

– План нарушать нельзя! – подал свой голос Симон Авдонович.

– Да вы, что, товарищи! С ума тут по сходили?! – вскакивая со стула, гневным голосом закричал Генрих Джакобович. Он с грохотом отодвинул стул, на котором сидел и сделал угрожающий шаг в направлении Игната Сахаповича. – Это же сразу разрушит дружный коллектив на кафедре! Вы хотите посеять зависть и вражду в дружном советском коллективе?!

Он остановился на полпути и, подняв руку, как на митинге, громко пафосно продекларировал:

– Мы всегда считали, и продолжаем считать одним из своих основных достижений – укрепление атмосферы взаимодоверия и взаимопомощи среди педагогических работников! Я, как коммунист, как заведующий кафедрой «Цикличность Госплана», как гражданин, категорически против!

«Вот и кавалерия, – усмехнулся про себя Иван Иванович. – Ещё пару раз пройдемся по этой сладкой парочке оппортунистов, и можно будет заканчивать».

– Это недальновидная и вредная политическая линия! – произнёс веским тоном, включаясь в дискуссию Роман Руфусович. – Нас не поймут и укажут. А могут и послать. Например, на курсы повышения политпросвещения.

Иван Иванович согласно кивнул. Уж кто-кто, а Роман Руфусович Вокшин, декан юридического факультета и заслуженный юрист СССР, знал, что говорил. Ведь это именно его,

перспективного номенклатурщика и прокурора целого столичного района всего за одни сутки окунули в нужник и как есть, в дерме сослали сюда в этот хоть и крупный, но периферийный институт. А ведь он даже ни полусловом не обмолвился о руководстве или не дай бог о линии партии. Как это только что сделала эта... Арина Афанасьевна. Пробу на ней ставить негде! Так ничего не значащая любовная интрижка с молодой особой, практиканткой. А вот на тебе какие оргвыводы. И жизнь под откос. Как бы ты теперь не доказывал свою верность партии. Ведь если б знал Роман Руфусович, что жена его такая дура ревнивая, да разве б он посмел... Да и не было ничего... Одни наветы на честное имя! Но тесть, второй секретарь Ленинградского обкома, доверившись слезам дочери, решил всё быстро и круто! И вот теперь нет в институте более ортодоксального коммуниста, чем декан юридического факультета Вокшин Роман Руфусович, который каждую секунду своей жизни доказывает верность делу партии, мечтая вернуться к прежней насыщенной и бурлящей деятельности столичного прокурора. Но всё тщетно! Иван Иванович это хорошо знал, так как его, партийного лидера института, поставили в известность, что на судьбе и карьере товарища Вокшина стоит жирный крест. Пусть радуется, что сохранили степень, звание. И пусть спасибо скажет, что хоть с дочерьми разрешают встречаться.

– Если среди заведующих кафедрами найдутся желающие внедрить ежедневные научные планы для каждого сотрудника – я уступаю этот способ, – влез в разговор Игнат Сахапович, обращаясь непосредственно к Ивану Ивановичу.

Но Иван Иванович, занятый своими мыслями, никак не отреагировал на выкинувшего белый флаг заведующего кафедрой «Экономическое право» товарища Гуревича. Хотя Роман Руфусович согласно кивнул своему подчинённому, и это не осталось не замеченным присутствующими.

– Вот! – продолжил Игнат Сахапович, подбодренный этим кивком. Он оглядел присутствующих. – Вот! Предлагаю это Александру Игоревичу! На его кафедру!

– Ещё чего! – вскричал Александр Игоревич, от неожиданности подсакивая на стуле! – Спасибо, премного благодарен! Нашли козла отпущения!

«Молодец товарищ Гуревич! – восхищённо подумал Иван Иванович. – Дурак дураком, а умный! Как точно определил кандидатуру. Слабоват наш Александр Игоревич для таких дел, такого новаторства. Сей час мы всё это и похороним. А с Ариной Афанасьевной, с этой с позволения сказать учёной секретуткой надо будет плотно поработать».

– Предлагаю другое, – страстно говорил Александр Игоревич, стараясь обращаться ко всем присутствующим, но глядел только на сидящего прямо перед ним Иван Ивановича. – Мы очень узко мыслим! Считаю, что надо составить обращение от имени нашего Парткома и Ректората ко всем преподавателям не только нашего института, а и всех других институтов. И не только высшей школы. Всем включиться в соревнование под лозунгом... – Александр Игоревич на секунду замешкался. – Например, «Передовой научный и педагогический опыт – в массы!» Это ведь правильно? – Он обернулся к сидящему за его спиной Симону Авдоновичу. – Товарищ Арм, вы ведь мой декан! Подтвердите, что всё, что я говорю, не только правильно, но и своевременно!

– Конечно, конечно, – пискнул Симон Авдонович, вжимаясь в стул так, что его почти стало невидно рядом с огромным Александром Игоревичем. – Всё что вы тут сказали это не просто правильно и своевременно, но и необходимо. Для всестороннего понимания экономического момента!

– Вот! И деканат меня поддержал, – веско сказал Александр Игоревич. Он победно оглядел всех присутствующих и с достоинством уселся на место.

«Всё, Игнат Сахапович, – облегчённо подумал Иван Иванович. – Закатали твоё предложение в бетон! Сейчас, ещё сверху асфальтом пройдемся для надёжности – и всё».

– Правильно! – воодушевлённо начал Иван Иванович, поглядывая в сторону окна, где по-прежнему с безучастным видом сидел начальник первого отдела. – Нельзя замыкаться с

этим почином в рамках одного института! Это – узкий политический подход. Участие широких сознательных научных и педагогических масс – вот решение данной проблемы! Там, где личный научный интеллект пасует, там коллективный научный разум победит! И это политически правильно! Как вы считаете, товарищ Петров?

Начальник первого отдела оторвался от созерцания улицы и удивлённо уставился на Ивана Ивановича. Он явно не ожидал, что его пригласят для участия в дискуссии. А Иван Иванович хитро, по-ленински прищурившись, смотрел на него, явно ожидая реакции.

Возникла неловкая пауза, в течение которой всё внимание участников совещания переключилось на начальника первого отдела. А он явно прослушал выступление Ивана Ивановича, думая о чём-то своём. Спас положение Роман Руфусович.

– А в это что-то есть! – с оживлением сказал заслуженный юрист СССР, поворачиваясь всем телом к окну и к Алексею Ильичу. – Думаю, что наверху нас одобряют. Даже берусь составить такой текст обращения. Наверняка мы получим большую поддержку!

«Вот ведь влез, сволота. Всё равно не будет тебе прощения и уж тем более реабилитации. Сгниёшь ты тут на своей должности. А будешь лезть, когда не надо, то быстренько не то что преподавателем, уборщиком говно убирать в северном филиале будешь», – зло подумал Иван Иванович, и вслух сказал:

– Вот и ладушки. Считаю, что через два-три дня, ну максимум через неделю, такой текст у нас будет? – Тут он увидел, как Симон Авдонович уже выпрямившись, перестал, предано и с испугом смотреть в его сторону, а всё больше поглядывает в сторону Алексея Ильича. – Как Симон Авдонович? Поможете Роман Руфусовичу сочинить обращение?

Вновь услышав своё имя, декан экономического факультета чуть не свалился со стула. Он резко, как будто выполнил команду «равняйся», повернул голову, вновь уставившись на председателя. Челюсть его при этом мелко затряслась.

– Вот и славно, – добродушно сказал Иван Иванович, неотрывно, словно удав на кролика, глядя на Симона Авдоновича. – На этом совещание считаю закрытым. О дате следующего все будут оповещены через секретариат института.

Присутствующие дружно задвигав стульями, встали и направились к выходу.

«Эх, – горько подумал Иван Иванович, – никакой дисциплины. Ведь в ногу даже ходить легче».

Он принялся с задумчивым видом складывать разложенные на столе бумаги в свою папку и не сразу заметил подошедшую к столу Арину Афанасьевну.

– Я бы хотела объясниться, – сказала та, робко поглядывая на Ивана Ивановича.

– Объясниться? – удивлённо переспросил Иван Иванович. – Зачем? Всё предельно ясно, дорогая моя...

– Но поймите, я ведь просто предложила применить принцип «кассы взаимопомощи», – перебила его Арина Афанасьевна. – Конечно, всё это спорно. Но ведь именно в споре...

– Спорно?! – в свою очередь перебил её Иван Иванович. – Тут спорить не о чём! Тут будем делать оргвыводы. Но не здесь, в другом месте, и там с вами спорить никто не будет!

– Но ведь и Алексей Ильич считает... – начала было оправдываться и искать поддержки у проходящего мимо них начальника первого отдела.

– Я?! – удивлённо вскричал Алексей Ильич, споткнувшись о ножку стула. – Не впутывайте меня в свои грязные измышления! Мы ещё проверим, чем вы дышите и как вы думаете на столь ответственной должности!

Арина Афанасьевна сильно побледнела и растерянно проводила взглядом спешащего к выходу начальника первого отдела. Иван Иванович, полагая, что разговор окончен, встал. Тут Арина Афанасьевна повернулась к Ивану Ивановичу и, приблизив почти в плотную к нему своё белое лицо одними губами прошептала:

– Ты товарищ Потапов, дурак. Сапог кирзовый, ничего ты не понял. Дорого тебе всё это обойдётся!

От неожиданности Иван Иванович опустился на стул и растеряно посмотрел снизу-вверх на перекошенное злобой лицо Арины Афанасьевны. Ивана Ивановича прошиб пот – он понял: ещё мгновение и она кинется на него, выцарапает глаза, вцепится в глотку. Он попытался закрыться папкой, но пальцы рук не слушались. И тут с лицом Арины Афанасьевны произошла удивительная метаморфоза. Оно моментально порозовело и приобрело миловидный, почти невинный образ этакой деревенской простушки. Широко раскрытые глаза по-доброму взглянули в лицо Ивана Ивановича, как бы спрашивая его: «Что же вы, дорогой мой? Зачем так обижать доверившуюся вам женщину?» Секунду Арина Афанасьевна смотрела на опешившего и сжавшегося за столом Ивана Ивановича, потом усмехнулась и, повернувшись, направилась к выходу.

«Привидится же такое, – тяжело вздохнул Иван Иванович и помотал головой. – Что же это она, в самом деле? Просто ведьма. На костёр таких, на костёр».

Повторяя это: «На костёр, только на костёр», он поднялся и тут же опустился обратно на стул. Ноги его тряслись, да и сердце стучало так, как будто собиралось вырваться из груди.

«Спокойно! – сказал сам себе Иван Иванович. – Ты же офицер! Ну-ка, быстро взял себя в руки!» Он глубоко вздохнул несколько раз и поднялся. На этот раз ноги слушались, сердце вошло в привычный ритм, дыхание наладилось.

– Повеюем ещё, – прошептал Иван Иванович. Он сгрёб со стола папку и направился к выходу. В комнате уже никого не оставалось, и Иван Иванович, стоя в дверях, обернулся на резкий и противный скрип у окна. Как будто кто-то водил железом по стеклу.

Дождь по-прежнему лил, не переставая. Деревянные рамы не справлялись с потоками обрушившихся на них воды. И на подоконнике, и под окном на полу образовалась приличная лужа. А возле окна стояла Арина Афанасьевна и скребла ногтями пальцев рук по стеклу, пытаясь дотянуться до горла Ивана Ивановича. Глаза её горели тёмно-красными углями, а из открытого рта вырывалось змеиное шипение. Волосы были мокрыми и налипли длинными чёрными космами на лоб, лицо и плечи. Да и вся одежда на ней промокла, хоть выжимай.

Иван Иванович не сразу понял, что Арина Афанасьевна находится по ту сторону окна. В его голове раздалась барабанная дробь, кто-то ударил в литавры и заорал дурным голосом: «Через прорезь прицела!» Рука Ивана Ивановича машинально, повинаясь приказу, потянулась к поясу, к тому месту, где обычно висит кобура у офицеров. Но вместо кобуры, Иван Иванович нащупал в кармане пиджака портсигар, подаренный ему на сорока пятилетие сослуживцами. Зажав его в кулаке, он выдернул его из кармана, на манер кавалерийской шашки, подняв над головой.

– Н-н-а-а! – хрипло крикнул Иван Иванович, и широко размахнувшись, кинул портсигар, как гранату, в окно, целя в Арину Афанасьевну.

Раздался звон разбитого стекла. В голове Ивана Ивановича прогремел орудийный залп сменившейся грохотом близких разрывов, подобных тому, что контузили его на учениях. Ударной волной Ивана Ивановича бросило на дверь, которая под его телом распахнулась, и он оказался в коридоре.

Ярко светило солнце в вымытые ливнем окна. Иван Иванович зажмурился в его лучах, и быстро, чуть ли не бегом, бросился прочь от кабинета.

На следующий день Иван Иванович отменил через секретаря все запланированные встречи и заперся у себя в кабинете, строго-настрого запретив секретарю, беспокоить его по каким бы то ни было делам. Вчерашнее совещание дало огромное поле для размышлений. Обычная повестка, нацеленная на обсуждение эффективности работы, непонятным для него

образом превратилось в конкретное обсуждение материальной заинтересованности в работе! Да ещё в столь опасной форме самостоятельного распределения отпущенных средств.

Иван Иванович был опытным аппаратчиком и хорошо усвоил простую вещь – главное не спешить. Конечно, реакция со стороны партии на выступления и Игнат Сахаповича, и Арины Афанасьевны должна быть, и она, несомненно, будет. И уж тем более, реакция должна быть на совершенно непонятное молчание и пассивность Алексея Ильича. Именно это странное поведение начальника первого отдела и заставило взять паузу, не отвечать сокрушительно и моментально на эти вредные и опасные выступления.

Что же до этого странного и мистического происшествия, случившегося с Иваном Ивановичем при попытке Арины Афанасьевны объяснить с ним, то, Иван Иванович не придал ему кого-либо значения, списав всё на общую усталость, нервы и контузию, случившуюся ещё в бытность службы в армии. Правда жена Иван Ивановича утром была сильно обеспокоена тем, что, придя с работы, он весь вечер нервничал, поужинал без аппетита, не выпил стопку водки и рано лёг спать. Во сне метался и даже плакал, чем совершенно не давал покоя жене. И проснулся он с мучительным криком, чего с ним ранее никогда не случалось.

Конечно, у Ивана Ивановича хватило ума не рассказывать жене о странном видении на совещании. Оправдался он всё теми же расшатанными нервами и усталостью. Дав жене клятвенное обещание, что в самое ближайшее время он посетит врача и возьмёт отпуск, Иван Иванович отбыл в институт.

Попросив у секретаря крепкого чая с сушками, он заказал по внутренней связи в отделе кадров личные дела заведующего кафедрой «Экономическое право» товарища Гуревича И.И. и учёного секретаря института товарища Лебедевой А.А.

«И всё же, откуда ветер дует? – раздумывал Иван Иванович, попивая чаёк из высокого гранёного стакана, стоящего в стальном подстаканнике. Он перелистывал страницы дела Гуревича и всё больше убеждался, что сам Гуревич не мог додуматься до такой крамолы. Вернее, конечно, мог – мысль-то не хитрая, да и не новая. Но самому решиться на то, чтобы её озвучить... – Вроде еврей, а такой дурак. Кто же тебя, паскудник, надоумил?»

Иван Иванович отодвинул на край стола раскрытое дело Гуревича и взял папку с личным делом учёного секретаря Лебедевой.

– Ну, ладно, чертовка, – прошептал Иван Иванович, разглядывая фотографию Арины Афанасьевны, наклеенную на первой странице дела. – Это сколько тебе тут? – Он пролистал несколько страниц. – Вот! Назначена учёным секретарём в феврале семидесятого. Ого! Кандидатура выдвинута ректором и поддержана деканами Армом С.С. и Вокшином Р.Р. – Иван Иванович откинулся на спинку стула и полез в карман за портсигаром. – А чёрт! – ругнулся он, вспомнив, что вчера запузирил портсигаром в окошко. Он выдвинул верхний ящик стола, где лежала вскрытая пачка «ВТ», и закурил. – Вокшин ладно, он у нас активен и всегда горой за начальство. А вот еврей-то наш, Симон Авдонович, как решился свою аспирантку на такую должность рекомендовать? Охотников-то наверняка было воз и маленькая тележка. Или потому что ректор выдвинул? – Иван Иванович глубоко затянулся и, выпустив дым из ноздрей, углубился в папку, листая страницы и шепча себе под нос: – Так... Школа с золотой медалью, учёба в МГУ... и распределение к нам сюда. А семья?... Ага, неполная: отец погиб в аварии, воспитывалась матерью. Так, а что у меня на неё есть?

Иван Иванович задавил окурок в пепельнице и встал со стула. Потягиваясь, подошёл к шкафу с бумагами.

«Где ты у меня тут, красавица? – Он перекидывал папки, ругая себя за бардак в документах. – Давно пора всё разложить по полочкам и систематизировать. Стукачество бардака не любит. Ага, вот ты у меня где... – Иван Иванович извлёк из глубин шкафа папку с надписью: «Дело. Арина Афанасьевна Лебедева. Только для служебного пользования». – Увесистая ты у меня дама. Тут листов пятьдесят, если не больше».

Иван Иванович раскрыл папку.

«О, и сразу донос! – пронеслось в голове: товарищ Вокшин Р.Р. отметил. – «Довожу до Вашего сведения, что учёный секретарь института товарищ Лебедева А.А...» – начал читать Иван Иванович и остановился, так как понял, что, похоже, информации будет много, и надо их всех достать, голубчиков.

Он кинул папку на стол и вновь полез в шкаф. Минут пять оттуда доносилось кряхтение и возгласы Ивана Ивановича. Наконец он отошёл от шкафа и положил на стол целую стопку папок различной толщины.

– Однако, мой предшественник не зря тут сидел, – удовлетворённо молвил Иван Иванович, отряхивая пиджак от пыли и паутины. – Да и мы тоже время зря не теряем...

Он хлебнул из стакана чайку и открыл папку Арины Афанасьевны.

«Довожу до Вашего сведения, что учёный секретарь института товарищ Лебедева А.А. получила эту должность благодаря интимной связи с ректором нашего института. Сама же товарищ Лебедева А.А. не могла и не может претендовать на эту должность, поскольку её научных заслуг явно недостаточно.

Кроме этого товарищ Лебедева А.А. имела и имеет интимную связь как со своим научным руководителем, деканом экономического факультета товарищем Армом С.С., так и с лауреатом Ленинской премии профессором товарищем Алексеевым С.С. Который и является настоящим автором диссертации товарища Лебедевой А.А. (об этом я сообщал ранее.) Также товарищ Лебедева А.А. имеет постоянные половые связи со студентами нашего института».

– Ну, так, – хмыкнул Иван Иванович. – Сообщение об интимах со студентами за оценки: это святое. Без этого ни один донос в порядочном ВУЗе не обходится. Но в целом образцовая «телега»! И на своего начальника настучал, и на более удачливых и умных коллег. А на самого тебя, что у нас тут?

Иван Иванович протянул руку и пальцами перебрал стопку папок.

– Вот ты где, субчик. – Он легко подтянул к себе тоненькую папку нужного дела. – О, как! Да ты Роман Руфусович сам бабник. Интересная у меня тут вырисовывается компания.

Иван Иванович поднялся со стула, качнулся всем телом с пяток на носки, и удовлетворённо осмотрел стол с разложенными на нём папками – работы было немерено. Настроение его улучшалось с каждой минутой. Он потянулся к стакану и, поняв, что чай остыл, направился к двери кабинета.

Чуть приоткрыв дверь, с интересом посмотрел на свою секретаршу, Вику. Та вся была в работе – печатала на машинке текст, непрерывно сверяясь с открытым журналом, лежащим справа от неё. Судя по твёрдой красной обложке, это были материалы очередного съезда партии.

«Ай, молодец, девчонка! Сколько ей? Лет двадцать, может чуть больше, а уже на правильном пути, – радостно подумал Иван Иванович. – Всё-таки надо, надо ей заняться вплотную». Он давно уже обратил внимание на её шейку, как у молодой кобылки, на ладно посаженную головку. Да и вся её фигурка молодой и аппетитной девочки с точёными ножками, сложенными под стулом, на котором она сидела, так и звала к себе, обещая многое – ох, многое.

Вика почувствовала на себе взгляд и, перестав печатать, вопросительно и строго взглянула на своего начальника. И только в глубине её голубых глаз метались озорные искорки.

– А приготовь-ка мне чаю покрепче, пожалуйста, – широко улыбнулся Иван Иванович и помотал головой, отгоняя грешные мысли.

– Конечно, гебиста достать вряд ли получится, – пробормотал он себе поднос, возвращаясь за стол и поудобнее устраиваясь на стуле, – всё-таки мелко для него. А вот всю эту компанию профессоров, деканов и учёных секретуток прижучить можно. Надо только как следует подготовиться, учесть все аспекты, и, главное, не спешить. На ближайшем Парткоме, поднять вопрос. Кстати, когда он у нас?..

Иван Иванович потянулся к настольному календарю.

«Ага... вот, через три дня. Ого, времени-то в обрез! – подумал он, глядя на Вику, вошедшую с подносом, на котором стоял стакан свежесваренного чая».

Секретарша бесшумно, стараясь не мешать мыслям руководителя, проскользнула к столу и, наклонившись, поставила поднос на стол. Иван Иванович невольно проследил за ней взглядом, и ему открылось в вырезе трикотажной кофточки девичья грудь. Совсем чуть-чуть: плотно прилегающий к телу лифчик надёжно скрывал прелести секретарши от нескромных взглядов. Но и этого было достаточно, чтобы Иван Иванович сильно покраснел и закашлялся. Мысли его смешались и приобрели совсем уж нерабочее направление. Тем временем Вика поменяла стакан чая и так же бесшумно направилась к двери. И только чёрная мини-юбка колыхалась над коленками в такт шагам.

«Нет, надо запрещать такую форму одежды! – переводя дух, подумал Иван Иванович. – Лучше пусть голой ходит!»

Он взял рукой подстаканник и хлебнул из стакана тёмную, почти непрозрачную жидкость. Чай оказался огненно-горячим.

– А, чёрт! – вскричал Иван Иванович, выплёвывая кипяток на пол. Он глубоко задышал широко открытым ртом, пытаясь остудить обожжённую часть ротовой полости. – Вот стерва! Знает же, что я не люблю горячий.

Отдышавшись и промокнув обожжённые губы носовым платком, Иван Иванович вернулся к своим папкам.

1977 год, февраль.

Арина Афанасьевна Лебедева. 41 год. Учёный секретарь. Не замужем

Арина Афанасьевна сидела на стуле возле задёрнутого шторой окна – был яркий солнечный и морозный день, солнце навывлет простреливало весь зал, слепя глаза – хоть тёмные очки надевай. Она, поглядывая на дверь, отмечая у себя в тетрадке входящих в просторный зал, где обычно проводились заседания учёного совета. Заседания почти всегда, проходили в открытом режиме, но, несмотря на это сотрудники кафедр почти их не посещали. Об этом уже открыто говорилось на заседаниях у ректора, и Арине Афанасьевне было сделано замечание о низкой явке преподавательского и научного контингента на вверенный ей участок фронта научных изысканий.

«Чем меньше наших преподавателей и учёных ходят на учёные советы института, тем меньше они интересуются научной деятельностью нашего заведения. А, в конечном итоге, у них пропадает желание участвовать в жизни и работе коллектива», – сказал ей проректор по учебной части товарищ Копытко Еремей Фадеевич на том памятном для неё заседании у ректора. Хотя, конечно, явка на учёный совет работников института была делом сугубо добровольным, и это тоже неоднократно подчёркивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.